

Научная статья. Исторические науки
УДК 94(599)
DOI: 10.31696/2072-8271-2026-1-1-70-182-195

**«ЗАЯВИТЕЛИ ОСПАРИВАЮТ КОНСТИТУЦИОННОСТЬ...»:
АВТОНОМИЯ РЕГИОНОВ В ПРАКТИКЕ
ВЕРХОВНОГО СУДА ФИЛИППИН**

Егор Сергеевич БЕСЕДИН¹

¹ИМЭМО РАН, Москва, Россия,
e.besedin@imemo.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1776-1332>

Аннотация: Статья посвящена анализу механизмов принятия решений Верховным судом Филиппин по вопросам автономии и прав коренных народов в период действия Конституции 1987 г. На основе междисциплинарного подхода, сочетающего политологические концепции Яша Гая, юридические подходы Мартина Шапиро и Рэна Хиршля и локальные аналитические модели Рауля Пангалангана и Сурабхи Чопры, в статье реконструируются четыре параллельно функционирующих механизма судебного контроля над периферией: текстуальный формализм, процессуальный формализм, правовые силлогизмы и защита положений Конституции. Анализ 13 решений суда за 1989–2025 гг. показывает, что системная склонность к юридической корректности структурно встроена в конфигурацию унитарного государства с ограниченной асимметричной автономией и воспроизводит логику «гегемонистского сохранения» не в силу политической предвзятости судей, а как структурное свойство правового процесса. Вместе с тем автор демонстрирует, что те же механизмы при определенных условиях работают в пользу автономии, как это имело место в делах *Disomangcop v. Datumanong* и *Province of Maguindanao del Norte v. BLGF*.

Ключевые слова: Верховный суд Филиппин, региональная автономия, коренные народы, судебный контроль, Мусульманский Минданао, Кордильера, «гегемонистское сохранение»

Для цитирования: Беседин Е.С. «Заявители оспаривают конституционность...»: автономия регионов в практике верховного суда Филиппин // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2026, Том 1, № 1 (70). С. 182–195. DOI: 10.31696/2072-8271-2026-1-1-70-182-195

Original article. Historical science

"THE PETITIONERS CHALLENGE THE CONSTITUTIONALITY...": REGIONAL AUTONOMY IN THE CASE LAW OF THE SUPREME COURT OF THE PHILIPPINES.

Egor S. BESEDIN ¹

¹ IMEMO RAS, Moscow, Russia,
e.besedin@imemo.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1776-1332>

Abstract: This article examines the decision-making mechanisms of the Supreme Court of the Philippines on issues of regional autonomy and indigenous peoples' rights during the period of the 1987 Constitution. Drawing on an interdisciplinary approach that combines the political science frameworks of Yash Ghai, legal analysis approaches of Martin Shapiro and Ran Hirschl with the local approaches of Raul Pangalangan and Surabhi Chopra, the article reconstructs four parallel mechanisms of judicial oversight over the periphery: textual formalism, procedural formalism, legal syllogisms, and constitutional protection. An analysis of 13 Supreme Court decisions from 1989 to 2025 demonstrates that the Court's systemic tendency toward legal correctness is structurally embedded in the configuration of a unitary state with limited asymmetric autonomy, reproducing the logic of "hegemonic preservation" not as a result of judicial bias but as a structural property of the legal process. At the same time, the author shows that the same mechanisms, under certain conditions, operate in favor of autonomy, as evidenced by the decisions in *Disomangcop v. Datumanong and Province of Maguindanao del Norte v. BLGF*.

Keywords: *Supreme Court of the Philippines, regional autonomy, indigenous peoples, judicial control, Muslim Mindanao, Cordillera, hegemonic preservation*

For citation: Besedin E.S. "The Petitioners Challenge the Constitutionality...": Regional Autonomy in the Case Law of the Supreme Court of the Philippines. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2026, Vol. 1, № 1 (70). Pp. 182–195. DOI: 10.31696/2072-8271-2026-1-1-70-182-195

Желтая революция 1986 г. на Филиппинах, приведшая к бегству президента Фердинанда Маркоса-ст., привела к частичной демократизации политической жизни и принятию Конституции 1987 г. Данный документ служил не только в качестве юридического закрепления но-

вого государственного строя, но и в качестве средства, призванного начать процесс разрешения двух развивавшихся параллельно этнополитических конфликтов: на юге страны борьбу за сецессию вели Национальный фронт освобождения моро (НФОМ) и Исламский фронт освобождения моро (ИФОМ), в то время как на севере, на острове Лусон, коренные народы Кордильер вели борьбу за свои права на доменные земли силами Армии освобождения народов Кордильер (АОНК). Согласно части 1 статьи X, предусматривалось создание двух «автономных регионов в Мусульманском Минданао и на Кордильерах»¹. Подводя итоги автономизации по прошествии почти 40 лет, можно констатировать лишь частичную успешность инициатив: если на юге страны, несмотря на неоднократные срывы соглашений правительства с ИФОМ, в 2018 г. был принят Органический закон о Бангсаморо, следствием чего стало образование Автономного региона Бангсаморо в мусульманском Минданао (АРБММ), то на Кордильерах процесс зашел в тупик после провальных плебисцитов 1990 и 1998 гг., следствием чего стало сохранение по сей день Кордильерского административного региона как переходной структуры.

Рассматривая процесс автономизации, важно обратить внимание на деятельность Верховного суда Филиппин; на сегодняшний день в отечественной литературе этот орган власти в основном становился объектом внимания исследователей в сфере юридических наук², однако, вспоминая срыв проекта *MOA-AD* в 2008 г. и принимая во внимание текущий процесс с переносом местных выборов в АРБММ, а также учитывая ключевую роль решений Верховного суда в означенных событиях, рассмотрение механики принятия решений и их влияния на автономизацию Филиппин представляется академически ценным. Вследствие этого, целью настоящей работы станет реконструкция механизмов работы Верховного суда при принятии решений по вопросам автономии и прав коренных народов.

Объяснительная рамка исследования

Источниковая база настоящей работы включает 13 решений Верховного суда за 1989–2025 гг., то есть за годы действия актуальной Конституции. Для их анализа применяется междисциплинарная методология, включающая в себя политологические и юридические объяснительные модели.

Для анализа феномена автономии используется типология, предложенная исследователем Яшем Гаем, разграничивавшим федерализм, асимметричный федерализм, региональную автономию и ад-

министративную децентрализацию как четыре возможных формы реализации процесса автономизации. Исследователь отмечал, что на практике границы между этими формами являются размытыми, а их использование связано с принятой политической стратегией. Для анализа особенностей филиппинского процесса автономизации ключевую роль играют два тезиса автора: во-первых, мысль о предоставлении этнической автономии как уступке со стороны центра, формирующей асимметрию власти в пользу последнего, что становится источником системного напряжения; во-вторых, суждение о парадоксальной возможности органов в рамках автономных образований влиять на формирование политики центра, известное в научной литературе как *West Lothian Question*³.

Обзор юридической рамки начнем с социологии суда в представлении Мартина Шапиро: по мнению ученого, в условиях существования этнических автономий нарушается классическая триада судебного процесса, в рамках которой легитимность судьи опирается на восприятие его как третьей независимой стороны. Шапиро утверждает, что представители этнических автономий склонны воспринимать судей не как независимых арбитров, а как проводников логики центра, что приводит к снижению доверия юридическим инстанциям⁴. Рэн Хиршль, специалист в области сравнительного конституционализма, дополняет модель Шапиро тезисом о «гегемонистском сохранении»: исследователь отмечал, что конституционные гарантии прав и активная судебная власть скорее являются стратегическим проектом элит, призванным обеспечить политическую стабильность и передать функции собственной защиты в руки судов, что может объяснить как дизайн Конституции 1987 г., так и недостаточную реализацию прав этнических меньшинств на фоне общей стабилизации политической обстановки в стране⁵.

Наконец, важную роль в формировании объяснительной рамки играют специализированные исследования, посвященные филиппинским судам. Так, Рауль Пангаланган выделял формализм и популизм как две базовых характеристики, сопровождающих процесс принятия решений Верховным судом Филиппин; по мнению ученого, парадоксальное сочетание противоречащих друг другу подходов является естественным следствием филиппинской политической культуры, характеризующейся «глубоко укорененным отвращением к открытым содержательным дебатам»⁶. Сурабхи Чопра развивает эту мысль, обращаясь к особенностям трактовки Конституции Верховным судом и отмечая отсутствие содержательного раскрытия ее положений через

«неясные и пограничные» формулировки, то есть не разворачивая конституционную доктрину и не формируя устойчивого правового дискурса⁷.

**«...нет необратимых законов»:
текстуальный формализм в судебной практике**

В юридической практике зачастую встает важный вопрос: должен ли суд следовать букве закона или его духу? В рамках филиппинской юриспруденции приоритет отдается первому варианту: в рассматриваемых решениях, посвященных вопросам автономии и прав коренных народов, Верховный суд зачастую отсылается к буквальным трактовкам сложившейся законодательной базы, что прямым образом влияет на результаты разбирательств. Интересно, что с точки зрения истории законодательство это закрепляет асимметрию в пользу центра, отмеченную Гаем, поскольку из 47 делегатов, входивших в состав Конституционной комиссии 1986 г., лишь двое представляли филиппинских мусульман⁸.

Иллюстрацией буквальной трактовки положений Конституции может служить консолидированное дело G.R. No. 177597&178628 (*Sema v. COMELEC, Marquez v. COMELEC*) 2008 г., посвященное созданию провинции Шариф Кабунсуан по итогам плебисцита, ратифицированное региональной ассамблей Автономного региона мусульманского Минданао (ARMM). При рассмотрении дела суд выступил с позицией, обратной *West Lothian Question*: судья Карпио постановил, что создание провинции влечет создание электорального округа для выборов в Конгресс, однако это полномочие зарезервировано за самим Конгрессом, следовательно, создание провинции местным органом, пусть и наделенным автономным статусом, противоречит Конституции страны. Несмотря на особое мнение судьи Тинги, отмечавшего, что аргумент Карпио опирается на два разных вопроса, обнажающих правовую лагуну, по итогам дела провинция Шариф Кабунсуан была упразднена⁹, что можно считать маркером ограничения автономных полномочий местных парламентов.

Другим примером является дело G.R. No. 143374 (*Atitiw v. Zamora*) 2005 г., имевшее более серьезное последствие: фактическое закрытие вопроса о предоставлении Кордильерам автономии. Выступившие в качестве истцов АОНК и Кордильерская администрация Бодонг (*бодонг* – традиционная система мирных договоров народа калинга) настаивали на том, что закон Е.О. 220, подразумевавший создание Кордильерского административного региона как переходной

административной сущности, не может быть отменен Конгрессом, как то было сделано в законе о бюджете 2000 г., предписавшего использование ассигнований в пользу региона на сворачивание его деятельности. Позиция судьи Тинги опиралась на классический юридический принцип, гласящий, что необратимых законов не существует, в соответствии с чем носивший временный характер закон Е.О. 220, не имевший никакого особого статуса, можно отменить в обычном порядке¹⁰, что является отличным примером «увертливого формализма» по Пангалангану¹¹, в рамках которого суд легитимизирует скрытую операцию по отмене переходного статуса через не относящийся к вопросам автономии закон о бюджете.

Исторически сформировавшаяся логика формализма прослеживается и при анализе свежих дел, например, G.R. No. 242255&243246&243693 (*Province of Sulu v. Medialdea*) 2024 г. Процесс был посвящен итогам плебисцита об утверждении Органического закона Бангсаморо и вхождении в состав нового региона: население провинции Сулу проголосовало против, однако территория была включена в БАРММ. Судья Леонен разрешил дело, в точности следуя части 18 статьи X Конституции: в автономный регион могут быть включены только территории, проголосовавшие за вхождение в его состав, итогом чего стало исключение провинции Сулу из БАРММ¹². Вместе с тем подобное решение, выглядящее юридически корректным, формирует причудливую ситуацию на местах: провинция Сулу, являющаяся архипелагом, вошла в состав Региона IX, будучи расположенной на достаточном отдалении от основной территории, что может породить управленческие проблемы и возможные дальнейшие споры о судьбе этой единицы.

Суммируя, рассмотренные решения, иллюстрирующие правовой формализм как одну из основных механик Верховного суда Филиппин, в конечном итоге приводили к ограничению автономии в том или ином виде, что является хорошей иллюстрацией тезиса о «гегемонистском сохранении», выдвинутого Хиршлем: действуя в рамках закона и придерживаясь его буквы, судебная власть способствует удержанию более центристских тенденций в рамках региональной политики.

«В противном случае выборы будут длиться вечно»: процессуальный формализм в судебной практике

Важным элементом работы судов является грамотное составление исков, верификация доказательной базы, следование доктрине ис-

черпания административных средств защиты и иные процедурные вопросы, являющиеся частью судебного процесса. Вместе с тем, буквальный следование этим требованиям может породить обратную ситуацию: в рассмотрении дела может быть отказано либо же дело может быть разрешено не в пользу истца, если процессуальные условия не были выполнены надлежащим образом.

Анализируя дела, посвященные вопросам автономии, можно отметить, что процессуальный формализм зачастую работает против истцов. Так, подобный механизм сработал в двух схожих делах, посвященных результатам выборов – G.R. No. 124521 (*Mastura v. COMELEC*) 1998 г. и G.R. No. 171248 (*Mutlan v. COMELEC*) 2007 г. Первое дело суд разрешает наиболее простым образом: Мастура, претендент на пост конгрессмена в провинции Магиндао, оспаривал результаты выборов, ссылаясь на фальсификацию протоколов, однако суд отклонил его петицию, поскольку подобные дела должна рассматривать соответствующая инстанция – электоральная комиссия COMELEC¹³, что является прекрасным примером процессуального формализма. Второй случай более интересен: Мутилан, проигравший губернаторские выборы в провинции АРММ, сослался на нарушения в ходе процесса голосования, приведшие к победе Залды Ампатуана – представителя местной клановой элиты. Судья Карпио отклонил иск Мутилана, поскольку предоставленные доказательства не являлись в достаточной степени верифицируемыми, подытожив вердикт словами: «...в противном случае, выборы будут длиться вечно, ведь проигравшие постоянно будут заявлять о мошенничестве и терроризме». Подобный подход является красочной иллюстрацией «тактики номер 2», описанной Шапиро и заключающейся в изъятии политически значимых вопросов из ведения судебной ветви власти¹⁴; в данном случае тактика была реализована за счет процессуальных инструментов. К сожалению, последнее решение, абсолютно корректное с процессуальной точки зрения, имело печальные последствия: в 2009 г. Ампатуан жестоко расправился со сторонниками своего политического противника Эсмаэлем Мангудадату, расстреляв его родственниц, в том числе беременную супругу, а также 32 журналистов, сопровождавших родню Мангудадату на пути в местный филиал COMELEC, где планировалось подать заявку на участие Мангудадату на губернаторских выборах¹⁵.

Данный механизм используется и при рассмотрении дел, посвященных земельным правам коренных народов – одной из наиболее острых тем филиппинского правосудия. Дело G.R. No. 209691 (*Diclas*

v. *Bugnay*) 2023 г. было посвящено борьбе кланов ибалои и канкана-эй за земли в районе города Багио. Судья Леонен присудил победу Максимо Буньяю, ответчику по делу: в данном случае Диклас совершил две процессуальные ошибки, не приложив конкретных доказательств мошенничества Буньяя при оформлении прав на землю и сославшись на легендарного предка как доказательство собственных прав¹⁶. Подобная юридическая логика кажется достаточно убедительной, однако ее формирование связано с особенностями филиппинского земельного права, установленными в рамках американской колониальной системы и подразумевающими непрерывное владение и регистрацию как единственный источник прав на землю¹⁷, что закрывает возможность для юридического оспаривания прав коренными народами, исконно обитавшими на определенной территории, но не регистрировавшими своих прав на нее.

Итого, процессуальный формализм, являющийся вторым важным механизмом филиппинской юриспруденции, не столько приводит к прямым ограничениям автономии, сколько поднимает вопрос о возможностях представителей периферии к объективному рассмотрению своих исков в условиях, где суд не учитывает исторический контекст и местную специфику.

«Государство по всем признакам, кроме названия»: правовые силлогизмы и дух закона

Несмотря на склонность Верховного суда к буквализму, иногда в его решениях появляются силлогистические трактовки положений Конституции и важных для дела законодательных актов, обладающие важной проблемой: ни один закон не может описать реальность всеобъемлющим образом, однако силлогизмы, выводимые судьями, строго упираются в рамки существующей правовой доктрины, часто не учитывая дух закона.

Продолжая рассмотрение вопроса о правах коренных народов на доменные земли, остановимся на двух делах 2015 г. – G.R. No. 181284 (*Unduran v. Aberasturi*) и G.R. No. 193964 (*Lim v. Gamosa*). В 1997 году для обеспечения прав коренных народов был создан специализированный орган – Национальная комиссия по делам коренных народов (НКДКН), мандат которой включает в том числе и рассмотрение земельных тяжб по Закону о правах коренных народов, принятому в том же году. В рамках означенных дел одной из стороны выступали не коренные народы (в первом случае ответчиком была семья Аберастури, владевшая землей по договору купли-продажи 1957 г., во

втором истцом был предприниматель Лим, выступавший как представитель компаний), что и сыграло с представителями коренных народов злую шутку: Верховный суд, рассматривая дела параллельно, вывел единую позицию, опирающуюся на силлогистическую трактовку параграфа 66 Закона о правах коренных народов, гласящую, что для обращения в НКДКН нужно исчерпать все средства защиты по обычному праву, и параграфа 3f того же закона, определяющего, что обычное право функционирует только для коренных народов, в соответствии с чем НКДКН не имеет права на рассмотрение земельных тяжб, где одна из сторон не представляет коренной народ¹⁸. Таким образом, строгое прочтение не всеобъемлющим образом составленного документа привело к тому, что Закон о правах коренных народов был признан нефункциональным именно в тех вопросах земельных прав, где коренные народы нуждаются в защите в наивысшей степени.

Похожая логика была применена и в знаковом консолидированном деле G.R. No. 183591&183752&183893&183951& 183962 (*Province of North Cotabato v. GRP Peace Panel*) 2008 г., посвященного вопросу о конституционности положений MOA-AD – мирного соглашения правительства Филиппин и ИФОМ, подразумевавшего создание «юридического лица Бангсаморо» как региона с определенной территорией, постоянным населением, местным правительством и правом на ведение международных отношений. Судья Карпио, ссылаясь на Конвенцию Монтевидео о правах и обязанностях государств 1933 г., приходит к выводу, что планируемый к созданию регион – это не автономная единица, а независимое «государство во всем, кроме названия», что противоречит духу Конституции 1987 г., не содержащей положений о вхождении в состав Филиппин ассоциированных государств и схожих субъектов¹⁹. Критика исследователя Гатмайтана, отмечавшего спорность вынесения подобных решений касательно международных договоров судебными инстанциями ввиду того, что «мирные соглашения по определению нарушают конвенции, а судебный контроль защищает *status quo*»²⁰, подтверждается последствиями, с которыми столкнулся мирный процесс на юге Филиппин: узнав об отмене документа, полевой командир ИФОМ Умра Като организовал новую волну атак, тем самым задав очередной виток конфликта. Последствием краха проекта MOA-AD стала серьезная проработка Органического закона о Бангсаморо 2018 г.; как отмечал исследователь Сео, сравнительный анализ документов показывает, что шесть основных проблем конституционности MOA-AD прямо пересекаются с шестью исправленными правовыми положениями в новом законе²¹, что

подтверждает возможность достижения автономии в рамках филиппинской юриспруденции посредством идеально выверенных законов, проходящих через сито текстуального формализма и возможных силлогизмов.

«...общий надзор и контроль»: защита положений Конституции

Поскольку на Филиппинах не существует Конституционного суда или его прямого аналога, функции трактовки Конституции и защиты конституционного строя ложатся на Верховный суд как высшую юридическую инстанцию. В этих условиях решения по многим делам, посвященным возможному расширению автономии, выносятся не в пользу истцов, поскольку их возможное осуществление прямо нарушало бы положения Конституции.

Наиболее ранним примером, фактически очертившим границы понимания автономии по Конституции 1987 г., является дело G.R. No. 80391 (*Limbona v. Mangelin*) 1989 г. Рассматривая это решение, важно обратить внимание не на его суть, а на сформулированную доктрину двух типов автономии: Верховный суд, опираясь на декрет Маркоса P.D. 1618, отмечает, что Президент сохраняет «общий надзор и контроль» над автономиями, тем самым провозглашая отсутствие политической децентрализации и предлагая взамен менее автономный режим – административную децентрализацию²². Соответственно, трактовка положений законодательства в этом случае прямо указывает на невозможность достижения полноценной автономии в рамках де-факто унитарного государства, которым являются Филиппины.

Другим примером дела, в рамках которого Верховный суд защищает конституционный строй, одновременно ограничивая автономию, может служить G.R. No. 196271 (*Kida v. Senate*) 2011 г., в рамках которого был поднят вопрос о возможности назначения Президентом временных чиновников в АРММ в условиях переноса выборов. Согласно закону о создании и функционировании АРММ R.A. 9054, для принятия любых поправок к данному документу необходимо заручиться 2/3 голосов в Конгрессе и провести плебисцит в регионе. Решение судьи Бриона опирается на факт того, что неконституционным является не назначение временных чиновников, оспариваемое представителями АРММ, а изначальные положения R.A. 9054, являющиеся слишком жестким институциональным щитом против любых изменений, а требование проведения плебисцита в целом нарушает Конституцию, поскольку, согласно ей, подобная процедура проводится

исключительно для создания и изменения границ автономного региона²³. Таким образом, Верховный суд значительным образом ограничил институциональные механизмы защиты АРММ, легитимизировав возможность изменения R.A. 9054 и последующих законов об автономии через обычный закон, принятый Конгрессом.

Итого, Верховный суд Филиппин действует полностью в соответствии с тезисом Хиршля о том, что «национальные верховные суды склонны строго придерживаться...национальных метанарративов»²⁴; метанарративом является дух Конституции 1987 г., подразумевающей, что Филиппины являются унитарным государством с ограниченной асимметричной автономией.

«Руки связаны и скованы»: как Верховный суд защищает автономию

Представленный выше анализ может привести к ошибочному выводу о том, что четыре означенных механизма в деятельности Верховного суда работают исключительно на ограничение автономии. Подобное представление не вполне отражает действительность: на деле реальной характеристикой практики Верховного суда будет строгое следование данным догматам, которое в ряде случаев прямо способствует укреплению автономии.

Образцовым примером, когда реализация механик приводит к защите автономии, является дело G.R. No. 149848 (*Disomangcop v. Datumanong*) 2004 г., посвященное закону R.A. 8999, передавшему инфраструктурные вопросы из ведения АРММ в национальный орган DPWH. Судья Тинга вынес решение в пользу сохранения автономных полномочий: принимая во внимание абсолютно некорректную механику принятия R.A. 8999 (закон был утвержден за 10 минут без прений и дебатов), Тинга отметил, что регулирующий права АРММ R.A. 9054, во-первых, является органическим законом, изменение которого возможно только через плебисцит, во-вторых, является более поздним законом, отменяющим более ранний, отмечая, что R.A. 8999 «никогда не вступал в силу» ввиду абсурдной природы своего происхождения²⁵. Здесь можно пронаблюдать как действие текстуального формализма, так и выведение силлогистических трактовок из правовых принципов и положений филиппинского законодательства, что абсолютно соответствует духу механики Верховного суда, однако в данном случае работает в пользу процесса автономизации.

В деле G.R. No. 265373 (*Province of Maguindanao del Norte v. BLGF*) 2023 г. суд столкнулся с редкой ситуацией, в которой процес-

суальный формализм был преодолен посредством телеологического толкования. Новообразованная провинция Магиндао дель Норте, созданная в составе АРБММ вместе с провинцией Магиндано дель Сур, столкнулась с отказом Бюро местного самоуправления и финансов (BLGF) признать ее существование: бюрократы настаивали на том, что плебисцит, подтвердивший волю населения, состоялся уже после выборов губернатора, а не до них, что якобы лишало провинцию надлежащей правовой основы. Судья Лазаро-Хавьер отверг подобный буквализм, обратившись к двум аргументам: ст. 9 Гражданского кодекса, запрещающей суду отказывать в решении со ссылкой на пробел в законе, и прецеденту *Miranda v. Aguirre*, в котором плебисцит был квалифицирован как акт прямой демократии, выражающий суверенную волю народа. Коль скоро народ уже высказался, существование провинции является свершившимся фактом в силу самого этого волеизъявления, и никакая административная процедура не вправе его блокировать постфактум²⁶.

Суммируя, можно подчеркнуть, что Верховный суд не является инстанцией, постоянно проводящей антиавтономистскую линию: юридическая корректность и формализм являются основными принципами, которыми руководствуется орган, что приводит к принятию решений в пользу автономии, если таковым образом складывается ход дела.

Заключение

Подводя итоги, представляется возможным отметить, что основной характеристикой деятельности Верховного суда Филиппин является юридическая корректность. Ее реализация в вопросах автономии и прав коренных народов не является ни побочным эффектом, ни следствием политической предвзятости отдельных судей: она структурно встроен в конфигурацию судебного контроля над периферией в унитарном государстве и воспроизводится через четыре параллельно функционирующих механизма, при определенных условиях работающих также и в обратном направлении. Ситуация «гегемонистского сохранения» в этом случае является не плодом деятельности элит, настроенных против автономии, а структурным свойством юридического процесса, прямо вытекающим из асимметричных положений законодательства, чаще всего трактуемых буквальным образом.

Исходя из этого, «значимая и подлинная автономия», к которой обращался судья Тинга в деле G.R. No. 149848, остается юридической

реальностью Филиппин, однако достижение означенного идеала требует от юридической системы Филиппин, в том числе и Верховного суда, поступиться юридической корректностью и позволить себе расширительные трактовки правовых актов, диктуемые не буквой, а духом закона, что на данный момент воспринимается как крайне маловероятный сценарий.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

БЕСЕДИН Егор Сергеевич, младший научный сотрудник Лаборатории «Сектор новых вызовов в Южной и Юго-Восточной Азии» ЦИОР ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 01.05.2026;
одобрена после рецензирования 16.05.2026;
принята к публикации 30.05.2026.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egor S. BESEDIN, Junior Research Fellow, Laboratory "Sector of New Challenges in South and Southeast Asia", IMEMO RAS, Moscow, Russia

The article was submitted 01.05.2026;
approved 16.05.2026;
accepted to publication 30.05.2026.

¹ Constitution of the Philippines (Article X, Sec. 1), 02.02.1987 // *Constitute Project*. URL: <https://www.constituteproject.org/constitution/Philippines.1987>

² См., например, Панков, А. Н. Верховный суд Республики Филиппины в системе высших органов государственной власти // *Право и управление*. XXI век, № 2(35), 2015. С. 61-66.

³ Ghai, Y. *Ethnicity and Autonomy: A Framework for Analysis* // Ghai Y. (ed.). *Autonomy and Ethnicity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. Pp. 8-11.

⁴ Shapiro, M. *Courts: A Comparative and Political Analysis*. Chicago: University of Chicago Press, 1981. Pp. 1-3, 22-28, 32-33, 49-53.

⁵ Hirschl, R. *Towards Juristocracy*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. Pp. 167-168, 213-214.

⁶ Pangalangan, R.C. *Philippine Constitutional Law: Majoritarian Courts and Elite Politics* // In: Chen A. H.Y. (ed.). *Constitutionalism in Asia in the Early Twenty-First Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. Pp. 296, 321.

⁷ Chopra, S. *The Constitution of the Philippines and Transformative Constitutionalism* // *Global Constitutionalism*. Vol. 10, No. 2, 2021. P. 327.

⁸ Villacorta, W.V. *Politics of Constitutional Design and Implementation: Addressing Community Diversity in Mindanao*. IDEA Symposium Paper. Jakarta, 2009. P. 4.

⁹ *Sema v. COMELEC*, G.R. No. 177597; *Marquez v. COMELEC*, G.R. No. 178628 // *LawPhil*. URL: https://lawphil.net/judjuris/juri2008/jul2008/gr_177597_2008.html

¹⁰ *Atitiw v. Zamora*, G.R. No. 143374 // *Jur*. URL: <https://jur.ph/jurisprudence/digest/atitiw-v-zamora>

¹¹ Pangalangan, R.C. *Philippine Constitutional Law...* P. 298.

¹² *Province of Sulu v. Medialdea*, G.R. No. 242255; *Philippine Constitution Association v. Senate of the Philippines*, G.R. No. 243246; *Dimaporo v. COMELEC*, G.R. No. 243693 // *LawPhil*. URL: https://lawphil.net/judjuris/juri2024/nov2024/gr_242255_2024.html

¹³ *Mastura v. COMELEC*, G.R. No. 124521 // *LawPhil*. URL: https://www.lawphil.net/judjuris/juri1998/jan1998/gr_124521_1998.html; *Mutlan v. COMELEC*, G.R. No. 171248 // *LawPhil*. URL: https://lawphil.net/judjuris/juri2007/apr2007/gr_171248_2007.html

¹⁴ Shapiro, M. Courts... Pp. 13-14.

¹⁵ Ampatuan Massacre: 10-year wait for lower court's ruling, 6-year wait for CA ruling // Mindanews, 23.11.2025. URL: <https://mindanews.com/top-stories/2025/11/ampatuan-massacre-10-year-wait-for-lower-courts-ruling-6-year-wait-for-ca-ruling/>

¹⁶ Diclas v. Bugnay, G.R. No. 209691 // LawPhil. URL: https://lawphil.net/judjuris/juri2023/jan2023/gr_209691_2023.html

¹⁷ Knack, P.D. Legal Frameworks and Land Issues in Muslim Mindanao // In: Unruh, J., Williams, R.C. (eds.). Land and Post-Conflict Peacebuilding. London: Routledge, 2013. P. 458.

¹⁸ Unduran v. Aberasturi, G.R. No. 181284 // LawPhil. URL: https://lawphil.net/judjuris/juri2015/oct2015/gr_181284_2015.html; Lim v. Gamosa, G.R. No. 193964 // LawPhil. URL: https://lawphil.net/judjuris/juri2015/dec2015/gr_193964_2015.html

¹⁹ Province of North Cotabato v. Government of the Republic of the Philippines Peace Panel on Ancestral Domain, G.R. No. 183591; City of Iligan v. GRP, G.R. No. 183893; G.R. No. 183752; G.R. No. 183951; G.R. No. 183962 // LawPhil. URL: https://lawphil.net/judjuris/juri2008/oct2008/gr_183591_2008.html

²⁰ Gatmaytan, D. Judicial Review of Peace Initiatives // UCLA Pacific Basin Law Journal. 2016. Vol. 34, No. 1. Pp. 49, 60-61.

²¹ Seo, J. Judicial Review of Peace Agreements in the Philippines: Lessons from the MOA-AD and the FAB // Southeast Asian Studies. 2024. Vol. 34, No. 2. Pp. 300-306, 308-314.

²² Limbona v. Mangelin, G.R. No. 80391 // LawPhil. URL: https://www.lawphil.net/judjuris/juri1989/feb1989/gr_80391_1989.html

²³ Kida v. Senate of the Philippines, G.R. No. 196271 // LawPhil. URL: https://lawphil.net/judjuris/juri2012/feb2012/gr_196271_2012.html

²⁴ Hirschl, R. Towards Juristocracy... P. 172.

²⁵ Disomangcop v. Datumanong, G.R. No. 149848 // LawPhil. URL: https://lawphil.net/judjuris/juri2004/nov2004/gr_149848_2004.html

²⁶ Province of Maguindanao del Norte v. Bureau of Local Government Finance, G.R. No. 265373 // LawPhil. URL: https://lawphil.net/judjuris/juri2023/jun2023/gr_265373_2023.html